

I. Малиновскій.

УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ

А. П. ЧЕХОВА.

(Лекція, читанная студентамъ I курса юридическаго факультета Томскаго Университета 7 сентября 1904 г.).

ТОМСКЪ.

Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ
1904 г.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Томскаго Университета.

Милостивые Государи!

2 июля умеръ извѣстный русскій писатель Антонъ Павловичъ Чеховъ. Литературная дѣятельность покойнаго писателя будетъ предметомъ моей сегодняшней лекціи, первой лекціи въ наступившемъ академическомъ году. Но быть можетъ кому-нибудь изъ васъ покажется страннымъ, что профессоръ исторіи русскаго права читаетъ студентамъ юридическаго факультета лекцію, посвященную литературной дѣятельности писателя беллетриста? Въ самомъ дѣлѣ, какая связь между беллетристической литературой и юридическими науками? И какая, въ частности, связь между русской беллетристической литературой и исторіей русскаго права?

Чтобы разсѣять подобныя недоразумѣнія, считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Между юридическими науками и беллетристической литературой связь существуетъ. Юридическія науки изучаютъ явленія юридическаго быта; беллетристическая литература изображаетъ разнообразныя явленія общественной жизни, а въ томъ числѣ и явленія юридическаго быта. Съ этой точки зрѣнія беллетристическая литература заключаетъ въ себѣ обильный и цѣнный матеріалъ для ученаго юриста. Съ этой точки зрѣнія историкъ русскаго права находитъ цѣнный матеріалъ въ произведеніяхъ русской беллетристики въ ея историческомъ развитіи. Рядомъ съ „Русскою Правдой“, договорами, грамотами, судебниками, уложеніями, уставами, регламентами, указами и другими юридическими памятниками историкъ русскаго права изучаетъ народныя пѣсни, сказки и былины, „Слово о полку Игоревѣ“, сочиненія фонъ-Визина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Толстого и др.

Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ настоящую минуту я читаю вамъ лекцію, не какъ профессоръ юридическаго факультета по кафедрѣ исторіи русскаго права, а какъ профессоръ университета вообще; и на васъ я смотрю не какъ на студентовъ юридическаго факультета, а какъ на студентовъ университета вообще. Первую лекцію, читаемую въ началѣ академическаго года студентамъ 1 курса, я обыкновенно посвящаю общему вопросу объ университетскомъ образованіи. Слѣдуя этому обычаю и въ этомъ году и желая въ то же время почтить память недавно скончавшагося русскаго писателя, я прочитаю лекцію на тему—„Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова“.

Сочиненія Чехова представляютъ изъ себя въ полномъ смыслѣ слова энциклопедію русской жизни. Въ его разсказахъ и пьесахъ читатель встрѣчаетъ русскихъ людей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Тутъ есть крестьяне и помѣщики, мелкіе торговцы, ремесленники и мѣщане,

купцы и прикащики, фабриканты и рабочіе, военные и духовенство, чиновники различныхъ вѣдомствъ—полицейскіе, судейскіе, акцизные и др., представители городского, земскаго и сословнаго самоуправленія, представители различныхъ либеральныхъ профессій—врачи, адвокаты, инженеры, писатели, художники, артисты; тутъ есть русскія дѣвушки и русскія женщины, русскія дѣти, старики и старухи и т. п. Въ этой галлерей типовъ русскихъ людей довольно часто встрѣчаются люди университетскіе: студенты медики, студенты юристы, студенты безъ обозначенія факультета, бывшіе студенты, профессоры и т. д.

Какъ живутъ русскіе люди, изображенные Чеховымъ? и какую роль въ русской жизни играютъ университетскіе люди?

Передъ нами русская деревня и ея коренные обитатели—крестьяне, или „мужики“, по терминологіи Чехова. Бѣдность и темнота—вотъ наиболѣе характерныя черты мужицкой жизни. А за бѣдностью и темнотой слѣдомъ идутъ—голодь, грязь, вонь, болѣзни, брань, попрошайничество, пьянство и т. п. явленія (Мужики, Моя жизнь, Новая дача, Дядя Ваня, Жена...).

Подобными же непривлекательными чертами характеризуетъ Чеховъ и жизнь низшихъ слоевъ городского населенія—рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ (Моя жизнь, Бабе царство, Случай изъ практики...).

Поднявшись выше, мы встрѣтимъ средняго человѣка, которому, быть можетъ, въ меньшей степени, но тоже знакомы и нужда и темнота и все прочее (Неприятность, На подводѣ, Мелюзга...).

Нужды не знаетъ состоятельное мѣщанство и купечество; но здѣсь достатокъ покупается цѣною эксплуатаціи слабаго, постоянного обмана, мошенничества (Въ оврагѣ, Три года, Бабе царство, Случай изъ практики...).

Наконецъ, на самой вершинѣ общественной лѣстницы мы знакомимся съ высшимъ, управляющимъ классомъ русскаго общества. Приглядываясь къ жизни этого класса, мы замѣчаемъ вездѣ одно и то же—праздность, лицемеріе, карты, водку, сплетни...

Такова русская жизнь. Это жизнь—пошлая, грязная, бессмысленная. Можно ли мириться съ ней?

Есть люди, которые мирятся съ жизнью. Это прежде всего люди—хищники. Они стремятся только къ личному благополучію, берутъ у другихъ все, что можно взять, и ничего не даютъ въ замѣнъ. Таковы—Наташа (Три сестры), Аксинья (Въ оврагѣ), профессоръ Серебряковъ (Дядя Ваня), братъ Николай (Крыжовникъ), стряпчій Шапкинъ (Старость) и др.

Мирятся съ жизнью люди, которые закалили себя несчастіями и страданіями до такой степени, что отказались отъ всякихъ надеждъ и желаній. Таковъ Семень Толковый (Въ ссылкѣ), разсуждающій такимъ образомъ: „ничего мнѣ не надо и никого я не боюсь, и такъ себя понимаю, что богаче и вольнѣ меня человѣка нѣтъ“. Таковъ и Петръ Сергѣевичъ въ „Разсказѣ госпожи NN“.

Мирятся съ жизнью люди пошлые, самодовольные. Таковъ старикъ Лаптевъ. Онъ „обожалъ себя; изъ его словъ выходило такъ, что свою покойную жену и ея родню онъ осчастливилъ, дѣтей наградилъ, приказчиковъ и служащихъ облагодѣтельствовалъ и всю улицу и всѣхъ знакомыхъ за-

ставилъ за себя, вѣчно Бога молить“. Таковы: княгиня въ разсказѣ того же названія, отставной солдатъ Егоръ въ разсказѣ „На святкахъ“, архитекторъ Полозневъ въ разсказѣ „Моя жизнь“ и др.

Мирятся съ жизнью люди съ холодной кровью. Таковъ петербургскій чиновникъ Орловъ, по мнѣнію котораго „въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничего не творится такъ себѣ, все обосновано и необходимо“. „А если такъ, что же намъ беспокоиться“, говорить онъ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка).

Мирятся съ жизнью люди въ футлярѣ, создающіе себѣ футляръ, который уединяетъ ихъ и защищаетъ отъ внѣшнихъ вліяній. Таковъ учитель Бѣликовъ (Человѣкъ въ футлярѣ), учитель Ипполитъ Ипполитовичъ (Учитель словесности) и др.

Разновидностью людей въ футлярѣ являются люди съ правилами—Модестъ Алексѣевичъ (Анна на шеѣ), Павелъ Андреевичъ (Жена), докторъ Львовъ (Ивановъ) и др. и люди съ зацѣпкой—частный повѣренный („Печенѣгъ“), Туркины (Юнычъ), Оленька (Душечка) и др. У всѣхъ этихъ людей есть футляръ, защищающій ихъ отъ внѣшнихъ вліяній: у Павла Андреевича—честный образъ мыслей, у присяжнаго повѣреннаго—вегетарианство, у Туркиныхъ—таланты и т. п.

Но рядомъ съ людьми—хищниками, стремящимися только къ личному благополучію, есть люди, по мнѣнію которыхъ „счастья нѣтъ и не должно быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ то болѣе высокомъ и разумномъ“ (Крыжовникъ). Эти люди „изъ тѣснаго мірка личнаго счастья, гдѣ живетъ такъ спокойно и сладко, рвутся въ другой міръ, въ которомъ человѣкъ утомляется, страдаетъ и доходитъ до равнодушія къ личному счастью“ (Учитель словесности). Эти люди не могутъ мириться съ жизнью: они не могутъ мириться „съ тѣмъ, что другіе люди, покорные своему жребію взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни“. Они не могутъ „мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни“ (По дѣламъ службы).

Рядомъ съ людьми, которымъ ничего не надо, есть люди, которымъ нужны и радость, и тоска, и горе. Таковъ татаринъ и баринъ въ разсказѣ „Въ ссылкѣ“.

Рядомъ съ людьми холодной крови есть живые люди, которые не мирятся съ жизнью, ибо „живой человѣкъ не можетъ не волноваться и не отчаяваться, когда видитъ, какъ погибаетъ самъ и вокругъ гибнуть другіе“ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка); живой человѣкъ „на боль отвѣчаетъ крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ“ (Палата № 6).

Рядомъ съ людьми пошлыми, самодовольными есть люди, которые ищутъ оправданія своей жизни (Хорошіе люди, Моя жизнь, Три сестры и др.).

Рядомъ съ людьми въ футлярѣ есть люди, которыхъ давитъ футляръ, которымъ нуженъ просторъ для проявленія всѣхъ свойствъ свободнаго человѣческаго духа (Человѣкъ въ футлярѣ, Крыжовникъ).

Всѣ эти безпокойные русскіе люди не могутъ мириться съ печальной русской дѣйствительностью. Эта русская дѣйствительность наводитъ на нихъ тоску, скуку. Какъ скучно! какая скука! какая тоска! какъ скучно, вяло, безсодержательно течетъ жизнь!—говорятъ постоянно они (Степь, Хорошіе люди, Ивановъ, Дядя Валя, Три сестры...).

Дѣло не ограничивается безплодными жалобами на скуку, тоску. Безпокойные русскіе люди, недовольные дѣйствительностью, стараются выяснитъ, почему, въ силу какихъ причинъ жизнь сложилась такъ, а не иначе? Этотъ вопросъ—почему? задаютъ многіе русскіе люди, изображенные Чеховымъ и въ раннихъ и въ болѣе позднихъ его произведеніяхъ (Сапожникъ и нечистая сила, Воры, Случай изъ практики, По дѣламъ службы и др.). Отвѣта нѣтъ, а мучительный вопросъ не покидаетъ человѣка, ибо человѣческія отношенія такъ осложнились, сдѣлались до такой степени непонятны, что жизнь представляется какой то странной загадкой.

Странны и непонятны отношенія между трудомъ и капиталомъ. Странно, напримѣръ, что владѣлица фабрики Анна Акимовна кормится и получаетъ сотни тысячъ отъ дѣла, котораго не понимаетъ и не любитъ (Бабе царство. См. также—Случай изъ практики). Странны и непонятны семейныя отношенія (Попрыгунья, Супругъ и др.), отношенія между мужчиной и женщиной (Володя маленькой и Володя большой, Три года, Ариадна), отношенія между господами и прислугой (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка и др.) отношенія между интеллигенціей и народомъ (Моя жизнь, Мужики, Дача съ мезониномъ и др.), странны взаимныя отношенія между интеллигентными людьми (Дуэль..). Странно и непонятно, что люди дѣлаютъ именно не то, что нужно, что люди мѣшаютъ другъ другу (Скрипка Ротшильда), что какой то туманъ застилаетъ отъ глазъ самое важное и видны только мелочи (Новая дача). Странно, что „въ нашей жизни все дурное и пошлое—правда, и, наоборотъ, всѣ честныя, благородныя и возвышенныя мечты—фальшивое мѣсто, натяжка“ (Бабе царство); „странно, что все то, что для человѣка важно, интересно, необходимо, въ чемъ онъ искрененъ и не обманываетъ себя, что составляетъ зерно его жизни, происходитъ тайно отъ другихъ, все же, что является ложью, оболочкой, въ которую человекъ прячется, чтобы скрыть правду,—все это происходитъ явно (Дама съ собачкой). Странно и непонятно, что слѣпой случай такъ властно распоряжается человѣческой судьбой (Дама съ собачкой, Чайка). Странно, что одни люди бываютъ счастливы и ничего не платятъ за свое счастье, а другіе платятъ рѣшительно за все ужасные проценты“ (Ивановъ). Странно, что „такъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку“ (Черный монахъ). Странно, что русскіе интеллигентные люди вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становятся уже полными банкротами (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка, Ивановъ...).

Эта странность и непонятность жизни вызываетъ въ русскихъ людяхъ мучительную боль, стыдъ передъ совѣстью, страхъ жизни.

Мучительную боль испытываетъ интеллигентная дѣвушка Вѣра Ивановна Кардина, наблюдая отношенія своей тети къ прислугѣ (Въ родномъ

углу). Стыдно кутящему въ загородномъ ресторанѣ фабриканту Фролову (Пьяные). Стыдно и страшно Юліи Сергѣевнѣ, которая безъ любви вышла замужъ за богатаго человѣка (Три года). Страшно Аннѣ Акимовнѣ: „у меня на рукахъ, говоритъ она, громадное дѣло, двѣ тысячи рабочихъ, за которыхъ я должна отвѣтить передъ Богомъ. Люди, которые работаютъ на меня, слѣпнутъ и гложутъ. Мнѣ страшно жить, страшно“ (Вабье дѣло). Подобно Аннѣ Акимовнѣ, страшно жить и Ляликовой—дочери, которая не вѣритъ въ свое право быть владѣлицей фабрики и богатой наслѣдницей (Случай изъ практики). Въ особенности рельефно изображено Чеховымъ это чувство страха жизни въ разсказѣ „Страхъ“.

Странная и непонятная русская жизнь у однихъ русскихъ людей вызываетъ мучительную боль, стыдъ и страхъ. У другихъ эта жизнь вызываетъ протесты. Въ „Палатѣ № 6“ протестуетъ Иванъ Дмитріевичъ. Въ разсказѣ „Гусевъ“ изображенъ „воплощенный протестъ“—Павель Ивановичъ. „Я живу сознательно, говоритъ Павель Ивановичъ, я все вижу, какъ видитъ орелъ или ястребъ, когда летаетъ надъ землей, и все понимаю. Я воплощенный протестъ. Вижу произволь—протестую, вижу ханжу и лицемера—протестую, вижу торжествующую свинью—протестую“.

Если жизнь странна и непонятна, если она вызываетъ боль, стыдъ, страхъ и протесты, то, очевидно, такъ жить больше нельзя. Ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ, выслушавъ разсказъ о „человѣкѣ въ футлярѣ“, говоритъ: „видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ за какого нибудь чинишка, которому грошъ цѣна,—нѣтъ, больше жить такъ невозможно“. И многіе мыслящіе русскіе люди повторяютъ эти слова: больше жить такъ невозможно.

Но если больше жить такъ нельзя, то какъ же жить? Какъ жить? Что дѣлать?—вотъ новая загадка, разрѣшить которую тщетно стараются русскіе люди, выведенные въ сочиненіяхъ Чехова. Что дѣлать? куда дѣваться? спрашиваетъ Вѣра Ивановна Кардина въ разсказѣ „Въ родномъ углу“. „Что мнѣ дѣлать?“—спрашиваетъ Катя стараго профессора въ разсказѣ „Скучная исторія“...

Но старый профессоръ безсиленъ: онъ не можетъ помочь Катѣ, посоветовать,—что дѣлать? ибо не знаетъ отвѣта на вопросъ,—зачѣмъ жить? Для него неясна конечная цѣль жизни, у него нѣтъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка. Подобно старому профессору, многіе русскіе люди, изображенные Чеховымъ, не знаютъ отвѣта на вопросъ,—зачѣмъ жить? У нихъ нѣтъ руководящей идеи, цѣли, огонька впереди, своей полосы... (Ивановъ, Чайка, Дядя Ваня, Три сестры, Палата № 6, Дуэль, Разсказъ неизвѣстнаго человѣка, Новая дача, Архіерей...).

Такъ жить нельзя,—говорятъ русскіе люди. А значитъ, нужно жить иначе. Но какъ именно иначе жить, они не знаютъ, ибо не знаютъ, зачѣмъ жить? Иная жизнь рисуется передъ ними лишь въ общихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ: это жизнь—святая, высокая, прекрасная, изящная. Рус-

скіе люди мечтають о такой жизни и вѣрятъ, что раньше или позже она наступитъ. Эта вѣра въ лучшее будущее и сознаніе того, что будущее подготавливается настоящимъ, хоть отчасти скрашиваютъ жизнь русскаго человѣка (Дядя Ваня, Три сестры, Вишневы садъ, Случай изъ практики и др.)

Вотъ, милостивые государи, основные мотивы русской жизни по сочиненіямъ А. П. Чехова. Какую же роль въ этой жизни играетъ университетъ, — университетская наука и университетскіе люди?

Я говорилъ, что многіе русскіе люди не знаютъ отвѣта на мучительные вопросы — что дѣлать, какъ жить, зачѣмъ жить? Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ — „Домъ съ мезониномъ“ — Чеховъ даетъ опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы.

Живая, искренняя дѣвушка Лида Волчанина убѣждена въ томъ, что „самая высокая и святая задача культурнаго человѣка — это служить ближнему“. И Лида Волчанина служить ближнему, какъ умѣетъ, посвящая все свои молодыя силы дѣлу просвѣщенія народа и оказанія медицинской помощи народу. Эта проповѣдь служенія ближнему путемъ устройства школъ, библиотекъ, чтеній съ туманными картинами, аптекъ и медицинскихъ пунктовъ встрѣчаетъ страстную отповѣдь со стороны художника, отъ имени котораго ведется этотъ разсказъ. Заходитъ разговоръ о проектѣ устройства земствомъ одного медицинскаго пункта. По мнѣнію Лиды Волчаниной, этотъ медицинскій пунктъ въ высшей степени необходимъ. „На прошлой недѣлѣ, говоритъ между прочимъ она, умерла отъ родовъ Анна, а если бы поблизости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась бы жива“. „Не то важно, возразилъ художникъ, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнуть спину, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожать за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь бояться смерти и болѣзней, всю жизнь лѣчатся, рано блекнутъ, рано старятся и умираютъ въ грязи и въ вони; ихъ дѣти, подростая, начинаютъ ту же музыку, и такъ проходятъ сотни лѣтъ, и миллиарды людей живутъ хуже животныхъ — только ради куска хлѣба, испытывая постоянный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодь, холодъ, животный страхъ, точно слѣговые обвалы, загородили имъ все пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить... Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда. Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе каждаго человѣка въ духовной дѣятельности — въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни... Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства“.

Цѣль человѣческой жизни — духовная дѣятельность. Наука, подобно другимъ видамъ духовной дѣятельности — религіи, искусствамъ, составляетъ то важное и нужное въ жизни, что одно только можетъ удовлетворить человѣка, сознающаго свое истинное призваніе. Необходимо стремиться къ этому важ-

ному и нужному и обойти все мелкое и призрачное, что мѣшаетъ людямъ быть свободными и счастливыми; въ частности, необходимо учиться и всѣми силами помогать тѣмъ, кто учится, т. е. ищетъ истину (Вишневый садъ). Учиться, т. е. искать истину,—это значить заниматься науками. Средствами для достиженія этой цѣли не могутъ быть начальныя училища, библиотеки и чтенія съ гуманными картинами. Дѣйствительное средство—это храмъ науки университетъ. Эту мысль высказываетъ Чеховъ въ томъ же уже цитированномъ мною разсказѣ „Домъ съ мезониномъ“: „Громотность, говоритъ художникъ въ этомъ разсказѣ, когда человѣкъ имѣетъ возможность читать только вывѣски на кабакахъ да изрѣдка книжки, которыхъ не понимаетъ,—такая грамотность держится у насъ со временъ Рюрика, гоголевскій Петрушка давно уже читаетъ, между тѣмъ деревня, кака была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ. Не грамотность нужна, а свобода для широкаго проявленія духовныхъ способностей. Нужны не школы, а университеты.“

Ту же мысль о необходимости университетскаго образованія для всѣхъ людей встрѣчаемъ и въ другомъ разсказѣ Чехова—„Въ родномъ углу“. Героиня этого разсказа Вѣра Ивановна Кардина такъ характеризуетъ доктора Нещанова: „говорить дамы, что онъ добрый, устроилъ при заводѣ школу. Да школу построилъ изъ стараго заводскаго камня, рублей за восемьсотъ, и „многая лѣта“ пѣли ему на освященіи школы, а вотъ небось пая своего не отдастъ, и небось въ голову ему не приходитъ, что мужики такіе же люди какъ онъ, и что ихъ тоже нужно учить въ университетахъ, а не только въ этихъ жалкихъ заводскихъ школахъ.“

Идея широкаго университетскаго образованія, защитникомъ которой является Чеховъ, можетъ показаться странной, фантастической. Можно ли говорить о широкомъ университетскомъ образованіи тамъ, гдѣ громадное большинство населенія пребываетъ въ темнотѣ, гдѣ неизмѣримо болѣе скромная идея всеобщаго начальнаго образованія еще не осуществлена, гдѣ лишь незначительная часть населенія получаетъ среднее образованіе, а высшее университетское образованіе находится подъ подозрѣніемъ?

При такихъ условіяхъ не является ли идея всеобщности университетскаго образованія несбыточной мечтой? Да, это-несбыточная мечта при условіяхъ современной сѣрой, бѣдной, пошлой, бессмысленной жизни. Но русскіе люди стремятся къ иной жизни—высокой, святой, прекрасной, изящной. Мечта о лучшемъ будущемъ тѣсно связана съ мечтой о широкомъ распространеніи научнаго, т. е. университетскаго, образованія. „Учиться намъ нужно, говоритъ докторъ Благово въ разсказѣ „Моя жизнь“, учиться и учиться.. стараться накапливать возможно больше знаній, потому что серьезныя общественныя теченія тамъ, гдѣ знанія, и счастье будущаго человѣчества только въ знаніи“. По мнѣнію Вершинина („Три сестры“), „нужны умные образованные люди; по мѣрѣ приближенія человѣчества къ лучшей жизни число этихъ людей будетъ увеличиваться, пока они не составятъ большинства. По этому нужно стремиться къ тому, чтобы каждый видѣлъ и зналъ больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ“. Въ разсказѣ „Невѣста“ Саша, убѣждая Надю ѣхать учиться, говоритъ ей „только просвѣщенные и святы

люди интересны, только они и нужны. Вѣдь чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе настанетъ царствіе Божіе на землѣ“.

Мечта русскихъ людей о широкомъ распространеніи университетскаго образованія имѣетъ реальныя основанія. Ежегодное возрастаніе числа лицъ, получающихъ высшее университетское образованіе, есть непреложный законъ соціальной жизни. Этотъ законъ подтверждается и исторіей русскаго просвѣщенія. До XVIII вѣка у насъ не было университетовъ. Учрежденный въ 1725 г. при академіи наукъ университетъ сначала совсѣмъ не имѣлъ русскихъ слушателей, а позже число слушателей было весьма незначительно (въ 1742 г. было 12 профессоровъ и 12 студентовъ). Въ началѣ второй половины XVIII в. учрежденъ былъ Московскій университетъ; число слушателей и здѣсь въ XVIII в. было незначительно (иногда было по 1 студенту на факультетъ). Въ XIX в. открываются новые университеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно увеличивается число студентовъ. Въ первой половинѣ XIX столѣтія число студентовъ въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ еще ограничивалось десятками. Но въ Московскомъ университетѣ уже въ 20-хъ годахъ XIX в. число студентовъ доходило до 700—900 человекъ. Въ 1880 году въ 8 русскихъ университетахъ общее число студентовъ превышало 8 т. человекъ (8193), а къ 1 января 1899 года въ 9 университетахъ было 16497 студентовъ и 1109 вольнослушателей.

Этотъ непреложный законъ соціальной жизни—возростаніе числа университетскихъ людей—проявляется въ исторіи русскаго просвѣщенія, не смотря на то, что принимались и принимаются разнообразныя мѣры съ цѣлью стѣснить распространеніе университетскаго образованія. Ходатайства о допущеніи женщинъ въ университеты не удовлетворяются, для женщинъ устроены въ столичныхъ городахъ курсы, соответствующіе отдѣльнымъ факультетамъ университета. По общему правилу, въ университеты принимаются только лица, окончившія классическую гимназію; и лишь въ видѣ исключенія семинаристамъ открытъ доступъ въ Томскій, Варшавскій и Юрьевскій университеты. Было время (1849 годъ), когда количество студентовъ для каждого университета ограничено было одной опредѣленной цифрой—300 человекъ. Было время, когда принимались нѣкоторыя мѣры, чтобы не допускать въ университетъ лицъ низшихъ классовъ населенія. И въ наше время можно еще услышать такое мнѣніе, что университетъ не нуженъ кухаркину сыну. И въ наше время даже среди интеллигентныхъ людей встрѣчаются Нещановы, которымъ въ голову не приходитъ, что мужики такіе же люди, какъ они, и что ихъ нужно учить въ университетахъ, а не въ жалкихъ школахъ. Но не смотря на все это, число университетскихъ людей постепенно возрастаетъ и высшее образованіе распространяется во всѣхъ классахъ русскаго общества: вѣдь архангельскій мужикъ М. В. Ломоносовъ является однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, а въ наше время сынъ мужика А. П. Чеховъ получилъ университетское образованіе и сдѣлался знаменитымъ русскимъ писателемъ. Наступитъ время, когда высшее научное образованіе сдѣлается всеобщимъ. Тогда жизнь будетъ высокая, прекрасная, изящная.

Но и теперь тѣ немногіе русскіе люди, которымъ доступно высшее образованіе, хватаются за науку, какъ за якорь спасенія, ища въ ней освобожденія отъ пошлости и грязи окружающей ихъ жизни. „Милая, голубушка, поѣзжайте (учиться), говоритъ Саша Надѣ (Невѣста). Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь надоѣла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой“. Надя поѣхала учиться въ Петербургъ.—Андрей Прозоровъ въ „Трехъ сестрахъ“, которому тоже надоѣла пошлая, сѣрая жизнь, мечтаетъ объ университетской наукѣ. „Мнѣ, говоритъ онъ, снится каждую ночь, что я профессоръ Московскаго университета, знаменитый ученый, которымъ гордится русская земля“,—Въ той же пьесѣ не получившій университетскаго образованія баронъ Тузенбахъ мечтаетъ о поступленіи въ университетъ.—Докторъ Андрей Ефимычъ въ „Палатѣ № 6“ сожалеетъ о томъ, что для него утеряна возможность сдѣлаться „членомъ какого-нибудь факультета и находится въ самомъ центрѣ умственнаго движенія“.—Врачъ Дымовъ (Попрыгунья), семейная жизнь котораго приняла пошлый и грязный характеръ, погрузился въ научныя занятія, написалъ и защитилъ диссертацию и мечтаетъ о томъ, что быть можетъ ему предложить приватъ-доцентуру по общей патологіи.

Наука, какъ отрасль духовной дѣятельности, состоитъ въ исканіи правды и смысла жизни. Никакихъ практическихъ цѣлей наука не должна преслѣдовать. Цѣль науки—истина. „Всѣ науки, говоритъ Лихаревъ въ рассказѣ „На пути“, сколько ихъ есть на свѣтѣ, имѣютъ одинъ и тотъ же напортъ, безъ котораго они считаютъ себя немислимыми: стремленіе къ истинѣ! Каждая изъ нихъ даже какая нибудь фармакогнозія, имѣетъ свою цѣлью не пользу, не удобство въ жизни, а истину“. Ту же справедливую мысль приводитъ Чеховъ и въ знакомомъ уже намъ рассказѣ „Дача съ мезониномъ“. „Науки и искусства, говоритъ художникъ въ этомъ рассказѣ, когда они настоящія, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему,—они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу!“

Если мы съ этой точки зрѣнія посмотримъ на науки юридическія, которыя предстоить Вамъ изучать, то скажемъ такъ: юридическія науки не преслѣдуютъ практическихъ цѣлей, они не заключаютъ въ себѣ тѣхъ практическихъ знаній, какія необходимы практическому юристу—судьѣ, прокурору, адвокату; цѣль юридическихъ наукъ—выясненіе смысла и правды въ явленіяхъ юридической жизни людей; а слѣдовательно, задача юридическаго факультета заключается не въ томъ, чтобы готовить для жизни практическихъ юристовъ, а въ томъ, чтобы готовить образованныхъ юристовъ.

Университетъ есть храмъ науки вообще. Университетъ дѣлится на факультеты. На каждомъ факультетѣ изучаются не всѣ науки, а лишь избѣанный разрядъ наукъ. Такая спеціализація при современномъ развитіи науки неизбежна: всего знать нельзя. Но это не значитъ, что между отдѣльными факультетами стоитъ китайская стѣна, что, напримѣръ, юристу нѣтъ никакого дѣла до наукъ филологическихъ, медицинскихъ, математическихъ. Нѣтъ, всѣ науки составляютъ единое цѣлое. И университетъ есть

храмъ единой науки. Профессора и студенты отдѣльных факультетовъ прежде всего члены университета; интересы одного факультета не должны быть чужды студентамъ и профессорамъ другого факультета.

Мало того. Цѣль человѣческой жизни заключается въ духовной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова. Занимаясь науками, нельзя чуждаться другихъ отраслей духовной дѣятельности. Людямъ университетскимъ не должны быть чужды интересы религiи, искусства, литературы, общественной жизни. Эту мысль Чеховъ приводитъ въ одномъ мѣстѣ разсказа „Скучная исторiя“. Здѣсь въ лицѣ прозектора Петра Игнатьевича выведенъ типъ узкаго специалиста. Я приведу цѣликомъ его характеристику:

Петръ Игнатьевичъ—это „трудолюбивый, скромный, но безталанный человекъ, лѣтъ 35, уже плѣшивый и съ большимъ животомъ. Работаетъ онъ отъ утра до ночи, читаетъ массу, отлично помнитъ все прочитанное— и въ этомъ отношенiи онъ не человекъ, а золото; въ остальномъ же прочемъ—это ломовой конь, или, какъ иначе говорятъ, ученый тушица. Характерныя черты ломового коня, отличающiя его отъ таланта, таковы: кругозоръ его тѣсенъ и рѣзко ограниченъ специальностью; внѣ своей специальности онъ наивенъ, какъ ребенокъ. Помнится, какъ-то утромъ я вошелъ въ кабинетъ и сказалъ:

— Представьте, какое несчастье! Говорятъ, Скобелевъ умеръ.

Николай (служитель) перекрестился, а Петръ Игнатьевичъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Какой это Скобелевъ?

Въ другой разъ—это было нѣсколько раньше—я объявилъ, что умеръ профессоръ Перовъ. Милѣйшiй Петръ Игнатьевичъ спросилъ:

— А что онъ читалъ?

Кажется, запой у него подъ самымъ ухомъ Патти, напади на Россiю полчища китайцевъ, случись землетрясенiе, онъ не пошевелинется ни однимъ членомъ и преспокойно будетъ смотрѣть прищуреннымъ глазомъ въ свой микроскопъ. Однимъ словомъ, до Гекубы ему нѣтъ никакого дѣла. Я бы дорого далъ, чтобы посмотрѣть, какъ этотъ сухарь спитъ со своей женой.

Другая черта: фанатическая вѣра въ непогрѣшимость науки и главнымъ образомъ всего того, что пишутъ нѣмцы. Онъ увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своихъ препаратахъ, знаетъ цѣль жизни и совершенно незнакомъ съ сомнѣнiями и разочарованiями, отъ которыхъ сѣдѣютъ таланты. Рабское поклоненiе авторитетамъ и отсутствiе потребности самостоятельно мыслить. Разубѣдить его въ чемъ-нибудь трудно, спорить съ нимъ невозможно. Извольте-ка поспорить съ человекомъ, который глубоко убѣжденъ, что самая лучшая наука—медицина, самые лучшiе люди—врачи, самая лучшiя традиции—медицинскiя. Отъ недобраго медицинскаго прошлаго уцѣлѣла только одна традициа—бѣлый галстухъ, который носятъ теперь доктора; для ученаго же и вообще образованнаго человека могутъ существовать только традиции общеуниверситетскiя, безъ всякаго дѣленiя ихъ на медицинскiя, юридическiя и т. п., но Петру Игнатьевичу трудно согласиться съ этимъ и онъ готовъ спорить съ вами до страшнаго суда“.

Петръ Игнатьевичъ — человѣкъ въ футлярѣ. Медицина, и даже не медицина вообще, а та специальная медицинская наука, которую онъ изучаетъ, есть оболочка, футляръ, закрывающій его отъ соприкосновенія съ разнообразіемъ дѣйствительной жизни. Его специальность—это три аршина земли, которыми онъ совершенно удовлетворенъ. Но „человѣку нужно не три аршина земли, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа“. Университетскому человѣку недостаточно одной какой-нибудь ученой специальности, ему должны быть близки духовные интересы вообще. Такихъ взглядовъ придерживается Ярцевъ въ разсказѣ „Три года“.

„Ярцевъ кончилъ на филологическомъ факультетѣ, потомъ поступилъ на естественный, и теперь былъ магистромъ химіи. Кромѣ химіи онъ занимался дома соціологіей и русской исторіей“. „Я химикъ, мыслю химически и умру химикомъ, говоритъ онъ. Но я жажду, я боюсь, что умру по насытившись; и мнѣ мало одной химіи, я хватаюсь за русскую исторію, исторію искусства, педагогію, музыку“.

Итакъ, призваніе человѣка въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Наука, какъ отрасль духовной дѣятельности, ищетъ правды и смысла жизни. Университетъ—храмъ науки. А, слѣдовательно, университетскіе люди, т. е. тѣ, которые учатъ, учатся и учились въ университетѣ,—это апостолы и поборники правды и истины. Когда я говорю такъ, я, конечно, имѣю въ виду то, что должно быть. Соотвѣтствуетъ ли то, что есть, тому, что должно быть?

Въ сочиненіяхъ Чехова передъ читателемъ проходитъ длинная вереница университетскихъ людей. Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ типахъ студентовъ.

Противный толстый мальчишка студентъ Азарбековъ провожаетъ молодую дамочку изъ гостей домой (Супруги).

Черноглазый студентъ научилъ одну молоденькую дамочку пить лимонную воду съ коврижкомъ (Страдальцы).

Студентъ Груздевъ мастеръ разсказывать въ обществѣ смѣшныя и удивительныя вещи. Однажды у знакомыхъ Груздевъ „послѣ чаю шалплъ съ пуделемъ Максимомъ и потомъ разсказалъ про одного очень умнаго пуделя, который погнался на дворъ за ворономъ, а воронъ оглянулся на него и сказалъ: ахъ, ты, мошенникъ! Пудель, не зная, что онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ ворономъ, страшно сконфузился и отступилъ въ недоумѣніи, потомъ сталъ лаять“ (Послѣ театра).

Студентъ Кишъ (Три года), прозванный вѣчнымъ студентомъ, „три года былъ на медицинскомъ факультетѣ, потомъ перешелъ на математическій и сидѣлъ здѣсь на каждомъ курсѣ по два года. Отецъ его, провинціальный аптекарь, присылалъ ему по сорока рублей въ мѣсяцъ, и еще мать, тайно отъ отца, по десяти, и этихъ денегъ ему хватало на прожитіе и даже на такую роскошь, какъ шивель съ польскимъ бобромъ, перчатки, духи и фотографія (онъ часто спинался и раздавалъ свои портреты знакомымъ). Чистовѣкій, немного плѣшивый, съ золотистыми бачками около ушей, скромный, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, готоваго услужить. Онъ все хло-

поталь по чужимъ дѣламъ: то носился съ подписнымъ листомъ, то съ раняго утра мерзъ около театальной кассы, чтобы купить для знакомой дамы билетъ, то по чьему-нибудь порученію шелъ заказывать вѣнокъ или букетъ. Про него только и говорили: Кишь сходить, Кишь сдѣлаетъ, Кишь купить. Порученія исполнялъ онъ большею частью дурно. На него сыпались попреки, часто забывали заплатить ему за покупки, но онъ всегда молчалъ и въ затруднительныхъ случаяхъ только вздыхалъ. Онъ никогда особенно не радовался, не огорчался, рассказывалъ всегда длинно и скучно, и остроты его всякій разъ вызывали смѣхъ потому только, что онъ были смѣшны. Такъ, однажды, съ намѣреніемъ пошутить, онъ сказалъ Петру: „Петръ, ты не осетръ“, и это вызвало общій смѣхъ, и самъ онъ долго смѣялся, довольный, что такъ удачно сострилъ. Когда хоровили какогонибудь профессора, то онъ шелъ впереди вмѣстѣ съ факельщиками“.

Студентъ медикъ Мейеръ наставляетъ своего пріятеля студента юриста Васильева: „водка дана, чтобы пить ее, осетрина—чтобы ѣсть, женщины—чтобы бывать у нихъ, снѣгъ—чтобы ходить по немъ“ (Припадокъ).

Володя маленькій „имѣлъ необыкновенный успѣхъ у женщинъ, чуть ли не съ четырнадцати лѣтъ, и дамы, которыя для него измѣняли своимъ мужьямъ, оправдывались тѣмъ, что Володя маленькій. Про него недавно кто то рассказывалъ, будто бы онъ, когда былъ студентомъ, жилъ въ номерахъ, поближе къ университету, и всякій разъ бывало, какъ постучишься къ нему, то слышались за дверью его шаги и затѣмъ извиненіе вполголоса: „Pardon, se ne spis pas seul“ (Володя маленькій и Володя большой).

Въ разсказѣ „Полинька“ прикащикъ говоритъ модисткѣ: „Нешто мнѣ пріятно видѣть, какъ этотъ студентъ около васъ разыгрываетъ роль-съ? Вѣдь я все вижу и понимаю. Съ самой осени онъ за вами ухаживаетъ по настоящему и почти каждый день вы съ нимъ гуляете, а когда онъ у васъ въ гостяхъ сидитъ, такъ вы въ него впившись глазами словно въ ангела какого-нибудь. Вы въ него влюблены, для васъ лучше и человѣка нѣтъ, какъ онъ, ну и отлично, печого и разговаривать... А къ чему вся эта исторія клонится, я рѣшительно не понимаю. Вы вотъ влюбившись, а чѣмъ это кончится?... Воображаете за него замужъ выйти, что ли? Ну на счетъ этого—оставьте ваше воображеніе. Студентамъ запрещается жениться, да и развѣ онъ къ вамъ за тѣмъ ходитъ, чтобы все честнымъ образомъ кончить? Какъ же! Вѣдь они, студенты эти самые, насъ и за людей не считаютъ... Ходятъ они къ купцамъ да къ модисткамъ, чтобы надъ необразованностью посмѣяться и поплянствовать. У себя дома да въ хорошихъ домахъ стыдно пить, ну а у такихъ простыхъ, необразованныхъ людей, какъ мы, некого имъ стыдиться, можно и вверхъ ногами ходить. Да-съ!... А ежели онъ за вами ухаживаетъ и въ любовь играетъ, то извѣстно зачѣмъ... Когда станетъ докторомъ или адвокатомъ, будетъ вспоминать: „Эхъ была у меня, скажетъ, когда то блондиночка одна! Гдѣ то она теперь?“ Небось и теперь ужъ тамъ, у себя, среди студентовъ, хвалится, что у него модисточка есть на примѣтѣ... Бросить онъ васъ, Пелагея Семеновна! А если женится когданибудь, то не по любви, а съ голода, на деньги ваши польстится. Сдѣлаетъ себѣ на приданое приличную обста-

новку, а потомъ стыдиться васъ будетъ. Отъ гостей и товарищей васъ будетъ прятать, потому что вы необразованная, такъ и будетъ говорить: моя кувалда. Развѣ вы можете держать себя въ докторскомъ или адвокатскомъ обществѣ? Вы для нихъ модистка, невѣжественное существо!“

Лаевскій (въ разсказѣ „Дуэль“) самъ повѣствуетъ, что „будучи студентомъ перваго курса, онъ жилъ съ дамой, которая имѣла на него благотворное вліяніе и которой онъ обязанъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Во второмъ курсѣ онъ выкупилъ изъ публичнаго дома проститутку и возвысилъ ее до себя, то есть взялъ въ содержанки, а она пожила съ нимъ полгода и убѣжала къ хозяйкѣ, и это бѣгство причинило ему не мало душевныхъ страданій. Увы, онъ такъ страдалъ, что долженъ былъ оставить университетъ и два года жить дома безъ дѣла. Но это къ лучшему. Дома онъ сошелся съ одной вдовой, которая посовѣтовала ему оставить юридическій факультетъ и поступить на филологическій. Онъ такъ и сдѣлалъ. Кончивъ курсъ, онъ страстно полюбилъ теперешнюю свою... замужнюю“...

Студентъ Клочковъ имѣетъ сожительницу Анюту. Анюта—„маленькая, худенькая брюнетка лѣтъ 25, очень блѣдная, съ кроткими сѣрыми глазами... Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и все думала, думала... За всѣ шесть—семь лѣтъ ея шатанія по мебелированнымъ комнатамъ, такихъ, какъ Клочковъ, знала она человѣкъ пять. Теперь всѣ они покончили курсы, вышли въ люди и, конечно, какъ порядочные люди, давно уже забыли ее. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Парижѣ, два докторами, четвертый художникъ, а пятый даже говорятъ уже профессоръ. Клочковъ—шестой... Скоро уже и этотъ кончитъ курсъ, выйдетъ въ люди. Несомнѣнно, будущее прекрасно, и изъ Клочкова, вѣроятно, выйдетъ большой человѣкъ, но настоящее совсѣмъ плохо: у Клочкова нѣтъ табаку, нѣтъ чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно какъ можно скорѣе оканчивать вышиванье, нести къ заказчику и потомъ кунить на полученный четвертакъ и чаю и табаку“... (Анюта).

Студенты ухаживаютъ за дамочками, учатъ ихъ пить лимонную воду съ коньякомъ, разсказываютъ въ обществѣ удивительныя и смѣшныя исторіи про умныхъ пуделей и ученыхъ вороновъ, исполняютъ всевозможныя порученія знакомыхъ, ходятъ къ женщинамъ, заводятъ любовныя интриги, имѣютъ временныхъ сожительницъ. Когда наступаютъ экзамены эти студенты зубрятъ, а послѣ экзамена выпрашиваютъ за неудовлетворительный отвѣтъ удовлетворительную отмѣтку. Сцена зубрѣнія передъ экзаменами изображена въ разсказѣ „Анюта“.

„Въ самомъ дешевомъ номерѣ мебелированныхъ комнатъ „Лисабонъ“ изъ угла въ уголь ходилъ студентъ-медикъ 3-го курса Степанъ Клочковъ, и усердно зубрилъ свою медицину. Отъ неустанной, напряженной зубрячки у него пересохло во рту и выступилъ на лбу потъ... Правое легкое состоитъ изъ трехъ долей... зубрилъ Клочковъ.—Границы! Верхняя доля на передней стѣнкѣ груди достигаетъ до 4—5 реберъ, боковой поверхности до 4 ребра... назадъ до *spina scapulae*...“ На замѣчаніе художника Фетисова: „а вы все зубрите“, Клочковъ сказалъ: „медицина такая штука, что никакъ нельзя безъ зубрячки“.

Подобная же сцена изображена въ разсказѣ „Житейскія невзгоды“. „Студентъ-медикъ готовился къ экзамену. Онъ шагаль изъ угла въ уголь и зубрилъ густымъ семинарскимъ басомъ: Хроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ, вообще у людей, ведущихъ неумѣренный образъ жизни... Хроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ... Хроническій катарръ желудка наблюдается также при страданіяхъ печени... Хроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ... Хроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ... Часа три спустя... Студентъ медикъ быстрѣ шагаль, прокашлялся и загудѣлъ: Хроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжорръ“...

Въ „Скупной исторіи“ профессоръ разсказываетъ о посѣщеніи его однимъ студентомъ послѣ экзаменовъ:

„Кто то входитъ въ переднюю, долго раздѣвается и кашляетъ. Егоръ (лакей) докладываетъ, что пришелъ студентъ. Я говорю: проси. Черезъ минуту входитъ ко мнѣ молодой человекъ пріятной наружности. Вотъ ужъ годъ, какъ мы съ нимъ находимся въ натянутыхъ отношеніяхъ: онъ отвратительно отвѣчаетъ мнѣ на экзаменахъ, а я ставлю ему единицы. Такихъ молодцовъ, которыхъ я, выражаясь на студенческомъ языкѣ, гоню или проваливаю, у меня ежегодно набирается человекъ семь. Тѣ изъ нихъ, которые не выдерживаютъ экзамена по неспособности или по болѣзни, обыкновенно несутъ свой крестъ терпѣливо и не торгуются со мной; торгуются же и ходятъ ко мнѣ на домъ только сангвиники, широкія натуры, которымъ проволоочка на экзаменахъ портитъ аппетитъ и мѣшаетъ посѣщать оперу. Первымъ я мирволю, а вторыхъ гоню по цѣлому году.

— Садитесь,—говорю я гостю.—Что скажете?

— Извините, профессоръ, за безпокойство...—начинаетъ онъ, заикаясь и не глядя мнѣ въ лицо.—Я бы не посмѣлъ безпокоить васъ, если бы не... я держалъ у васъ экзаменъ уже пять разъ и... и сѣзался. Прошу васъ, будьте добры, поставьте мнѣ удовлетворительно, потому что...

Аргументъ, который всѣ лѣтѣи приводятъ въ свою пользу, всегда одинъ и тотъ же: они прекрасно выдержали по всѣмъ предметамъ и сѣзались только на моемъ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что по моему предмету они занимались всегда очень усердно и знаютъ его прекрасно, сѣзались же они, благодаря какому то непонятному недоразумѣнію.

— Извините, мой другъ,—говорю я гостю,—поставить вамъ удовлетворительно я не могу. Подите еще почитайте лекціи и приходите. Тогда увидимъ.

Пауза. Мнѣ приходитъ охота немножко помучить студента за то, что пиво и оперу онъ любитъ больше, чѣмъ науку, и я говорю со вздохомъ:

— По моему, самое лучшее, что вы можете теперь сдѣлать, это — совсѣмъ оставить медицинскій факультетъ. Если при вашихъ способностяхъ вамъ никакъ не удастся выдержать экзамена, то, очевидно, у васъ нѣтъ ни желанія, ни призванія быть врачомъ.

Лицо сангвиника вытягивается.

— Простите, профессор,—усмѣхается онъ,—но это было бы съ моей стороны, по меньшей мѣрѣ, странно. Проучиться пять лѣтъ и вдруг... уйти!

— Ну да! Лучше потерять даромъ пять лѣтъ, чѣмъ потомъ всю жизнь заниматься дѣломъ, котораго не любишь.

Но тотчасъ же мнѣ становится жаль его и я спѣшу сказать:

— Впрочемъ, какъ знаете. Итакъ, почитайте еще немножко и приходите.

— Когда?—глухо спрашиваетъ лѣтяй.

— Когда хотите. Хоть завтра.

И въ его добрыхъ глазахъ я читаю: „Прійти то можно, но вѣдь ты, скотина, опять меня прогонишь!“

— Конечно, говорю я,—вы не станете учение оттого, что будете у меня экзаменоваться еще пятнадцать разъ, но это воспитаеъ въ васъ характеръ. И на томъ спасибо.

Наступаетъ молчаніе. Я поднимаюсь и жду, когда уйдетъ гость, а онъ стоитъ, смотритъ на окно, теребитъ свою бородку и думаетъ. Становится скучно.

Голосъ у сангвиника пріятный, сочный, глаза умные, насмѣшливые, лицо благодушное, нѣсколько помятое отъ частаго употребленія пива и долгаго лежанія на диванѣ; повидимому, онъ могъ бы рассказать мнѣ много интереснаго про оперу, про свои любовныя похождения, про товарищевъ, которыхъ онъ любитъ, но, къ сожалѣнію, говорить объ этомъ неприято. А я бы охотно послушалъ.

— Профессоръ! Даю вамъ честное слово, что если вы поставите мнѣ удовлетворительно, то я...

Какъ только дошло до „честнаго слова“, я махаю руками и сажусь за столъ. Студентъ думаетъ минуту и говорить уныло:

— Въ такомъ случаѣ прощайте... Извините.

— Прощайте, мой другъ. Добраго здоровья.

Онъ нерѣшительно идетъ въ переднюю, медленно одѣвается тамъ и, выйдя на улицу, вѣроятно, опять долго думаетъ; ничего не придумавъ, кромѣ „старога чорта“ по моему адресу, онъ идетъ въ плохой ресторанъ пить пиво и обѣдать, а потомъ къ себѣ домой спать. Миръ праху твоему, честный труженникъ!“

Перейдемъ къ бывшимъ студентамъ, изображеннымъ въ сочиненіяхъ Чехова.

Въ разсказѣ „Интриги“ врачъ Шелестовъ говоритъ, что „на конспіуумахъ его всегда поражаетъ въ товарищахъ низкій уровень знаній. Въ городѣ врачей тридцать два, и большинство изъ нихъ знаетъ меньше чѣмъ любой студентъ перваго курса“. Кромѣ низкаго уровня знаній, поражаютъ Шелестова въ товарищахъ и погрѣшности этического свойства.

Въ разсказѣ „Въ оврагѣ“ врачъ беретъ взятки.

Въ разсказѣ „Гусевъ“ врачи, чтобы отвязаться отъ больныхъ солдатъ, сдаютъ ихъ на пароходъ, гдѣ „и духота, и жаръ, и качка, все, однимъ словомъ, угрожаетъ смертью“.

Чебутыкинъ въ „Трехъ сестрахъ“ говорить: „думаютъ, что я докторъ, умѣю лѣчить всякія болѣзни, а я не знаю рѣшительно ничего, все позабылъ, что зналъ, ничего не помню, рѣшительно ничего. Чортъ бы побралъ. Въ прошлую среду лѣчилъ на Засыпи женщину—умерла, и я виноватъ, что она умерла. Да... Кое что я зналъ лѣтъ двадцать пять назадъ, а теперь ничего не помню. Ничего... Третьяго дня разговоръ въ клубѣ; говорить, Шекспиръ, Вальтеръ... Я не читалъ, совѣмъ не читалъ, а на лицѣ своемъ показалъ будто читалъ. И другіе тоже, какъ я. Пошлость! низость! И та женщина, что умерла въ среду, вспомнилась... и все вспомнилось и стало на душѣ криво, гадко, мерзко... пошелъ записалъ“... Въ другомъ мѣстѣ докторъ Чебутыкинъ говорить о себѣ: „А я въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ. Какъ вышелъ изъ университета, такъ не ударилъ пальцемъ о палецъ, даже ни одной книжки не прочелъ, а читалъ одиѣ только газеты... Знаю по газетамъ, что былъ, положимъ, Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ не знаю...“

Подобно доктору Чебутыкину, докторъ Нещавовъ (Въ родномъ углу) тоже ничего не читаетъ: „Когда говорили о литературѣ или рѣшали какойнибудь отвлеченный вопросъ, то по лицу Нещавова видно было, что это его нисколько не интересуетъ и что уже давно, очевь давно онъ не читалъ ничего и читать не хочетъ“.

Докторъ Стофцевъ (Юнычъ), на вопросъ—„какъ поживаете?“—отвѣчаетъ: „Какъ мы поживаемъ тутъ? Да никакъ. Старимся, полиѣемъ, опускаемся. День да ночь,—сутки прочь, жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей... Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?“ Но черезъ нѣсколько лѣтъ мало по малу Старцевъ самъ втянулся въ эту жизнь. Онъ расплѣлся, ожирѣлъ. У него громадная практика, и уже есть имѣніе и два дома въ городѣ. Онъ одинокъ, живетъ ему скучно, ничто его не интересуетъ. По вечерамъ онъ ипраетъ въ клубѣ въ винтъ, а потомъ сидитъ одинъ за большимъ столомъ и ужинаетъ.

Университетскіе люди — чины судебного вѣдомства, по словамъ Полознева (Моя жизнь), взятокъ не брали, но „были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе“.

Кандидатъ правъ Кандуринъ—человѣкъ небогатый, но ловкій, прекрасно разыгрываетъ роль влюбленнаго въ богатую невѣсту, некрасивую Наденьку Шабельскую, и женится на ней (Пустой случай).

Судебный слѣдователь (Пустой случай) „получаетъ 250 въ мѣсяцъ, но дѣла почти никакого, только и знаетъ, что цѣлые дни въ одномъ нижнемъ бѣльѣ шагаетъ изъ угла въ уголь“.

Университетскій человѣкъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Костя Кочевой, живетъ во флигелѣ. Противъ этого флигеля стоялъ другой, въ которомъ жило какое то французское семейство. Утромъ Костя беретъ бинокль и направляетъ его на окна, гдѣ жило французское семейство. Одинъ

разъ на вопросъ „что вы сегодня видѣли въ бинокль?—Костя отвѣтилъ:— „сегодня ничего, а вчера самъ старикъ французъ ванну принималъ (Три года).

Адвокатъ Альмеръ, повѣренный фабриканта Фролова, по собственному признанію „пустилъ въ моду устрицами закусывать. Отъ водки пожжетъ, подереть тебѣ въ горлѣ, а какъ проглотишь устрицу, въ горлѣ чувствуешь сладострастіе.“ Фроловъ послѣ кутежа говоритъ Альмеру: „На то я и богатый, чтобъ меня грабили... Безъ паразитовъ нельзя. Ты у меня повѣренный... шесть тысячъ въ годъ берешь, а за что...“ (Пьяные).

Присяжный повѣренный Лысевичъ... „сытъ, чрезвычайно здоровъ и богатъ... Любить хорошо покушать, особенно сыры, трюфели, тертую рѣдкку съ конопляннымъ масломъ, а въ Парижѣ, по его словамъ, онъ ѣлъ жаренныя немытыя кишки... Во все то, что ему приходится говорить на судѣ, онъ уже давно не вѣрить... Онъ вѣрить въ одно только оригинальное и необыденное.“ Онъ считается повѣреннымъ по дѣламъ завода Анны Акимовны, получаетъ двѣнадцать тысячъ въ годъ, хотя на заводѣ ему дѣлать нечего (Бабе царство).

Присяжный повѣренный Пекарекій считается очень умнымъ человѣкомъ: онъ прекрасно знаетъ финансы, желѣзнодорожное дѣло, все, что касается администраціи, былъ искуснѣйшимъ адвокатомъ по гражданскимъ дѣламъ... но въ то же время, онъ рѣшительно не могъ понять, почему это люди скачуютъ, плачутъ, стрѣляются и даже другихъ убиваютъ, почему они волнуются по поводу вещей и событій, которыя ихъ лично не касаются, почему они смѣются, когда читаютъ Гоголя или Щедрина...“ (Разсказъ неизвѣстнаго человѣка).

Чиновникъ министерства финансовъ Лаевскій, бывший студентъ филологъ, служитъ въ захолустномъ городкѣ на Кавказѣ. Вотъ его характеристика, сдѣланная другимъ университетскимъ человѣкомъ зоологомъ фонъ-Кореномъ:

„Дѣятельность господина Лаевского откровенно развернута передъ вами, какъ длинная китайская грамота, и вы можете читать ее отъ начала до конца. Что онъ сдѣлалъ за эти два года, пока онъ живетъ здѣсь? Будемъ считать по пальцамъ. Во-первыхъ, онъ научилъ жителей города играть въ винтъ; два года тому назадъ эта игра была здѣсь неизвѣстна, теперь же въ винтъ играютъ отъ утра до поздней ночи всѣ, даже женщины и подростки; во-вторыхъ, онъ научилъ обывателей пить пиво, которое тоже здѣсь не было извѣстно; ему же обыватели обязаны свѣдѣніями по части разныхъ сортовъ водокъ, такъ что съ завязанными глазами они могутъ теперь отличить водку Кошелева отъ Смирнова № 21. Въ-третьихъ, прежде здѣсь жили съ чужими женами тайно, но тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ воры воруютъ тайно, а не явно; прелюбодѣніе считалось чѣмъ то такимъ, что стыдились выставлять на общій показъ; Лаевскій же явился въ этомъ отношеніи пионеромъ: онъ живетъ съ чужой женой открыто... Лаевскій—довольно несложный организмъ. Вотъ его нравственный остоу: утромъ туфли, купанье и кофе, потомъ до обѣда туфли, моціонъ и разговоры, въ два часа туфли, обѣдъ и вино, въ пять часовъ купанье, чай и вино, затѣмъ винтъ и лганье, въ десять часовъ ужинъ и вино, а послѣ полуночи сонъ и la femme. Су-

ществование его заключено въ эту тѣсную программу, какъ яйцо въ скорлупу. Идетъ ли онъ, сидитъ ли, сердится, пишетъ, радуется—все сводится къ вину, картамъ, туфлямъ и женщинамъ. Женщина играетъ въ его жизни роковую, подавляющую роль... Онъ служить. Но какъ служить? Развѣ оттого, что онъ явился сюда, порядки стали лучше, и чиновники исправнѣе, честнѣе и вѣжливѣе? Напротивъ, своимъ авторитетомъ интеллигентнаго университетскаго человѣка онъ только санкціонировалъ ихъ распущенность“ (Дуэль).

Другой чиновникъ министерства финансовъ акцизный Кирилль Петровичъ Шаликовъ—тоже университетскій человѣкъ. Это — „существо пьяное, узкое и злое, съ большой стриженной головой и съ жирными отвислыми губами. Когда то онъ былъ въ университетѣ, читалъ Писарева и Добролюбова, пѣлъ пѣсни, а теперь онъ говоритъ про себя, что онъ коллежскій ассесоръ и больше ничего“ (Мужъ).

Помѣщикъ Ивашинъ въ 28 лѣтъ уже „былъ толстѣе, одѣвался по стариковски во все широкое и просторное и страдалъ одышкой. Въ немъ были уже всѣ задатки помѣщика стараго холостяка. Онъ не влюблялся, о женитьбѣ не думалъ и любилъ только мать, сестру, няню, садовника Васильича; любилъ хорошо поѣсть, поспать послѣ обѣда, поговорить о политикѣ и о возвышенныхъ матеріяхъ... Въ свое время онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, но теперь смотрѣлъ на это такъ, какъ будто отбылъ повинность, неизбежную для юношей въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ; по крайней мѣрѣ, мысли, которыя теперь каждый день бродили въ его головѣ, не имѣли ничего общаго съ университетомъ и съ тѣми науками, которыя онъ проходилъ“ (Сосѣди).

Университетскій человѣкъ Лубковъ говорилъ: „женщина есть женщина, мужчина есть мужчина... я уважаю женщинъ, но думаю, что извѣстныя отношенія не исключаютъ поэзіи. Поэзія сама по себѣ, а любовникъ самъ по себѣ. Все равно, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ: красота природы сама по себѣ, а доходъ съ лѣсовъ и полей самъ по себѣ“ (Ариадна).

Андрей Андреевичъ въ разсказѣ „Невѣста“ „десять лѣтъ назадъ кончилъ въ университетѣ по филологическому факультету, но нигдѣ не служилъ, опредѣленнаго дѣла не имѣлъ и лишь изрѣдка принималъ участіе въ концертахъ съ благотворительною цѣлью; и въ городѣ его называли артистомъ.“ Онъ ничего не дѣлалъ, по собственному признанію: „Я ничего не дѣлаю и не могу дѣлать... Отчего это? Отчего мнѣ такъ противна даже мысль о томъ, что я когда нибудь нацѣплю на лобъ кокарду и пойду служить? Отчего мнѣ такъ не по себѣ, когда я вижу адвоката или учителя латинскаго языка или члена управы? О матушка Русь! о, матушка Русь, какъ еще много ты носишь на себѣ праздныхъ и бесполезныхъ! Какъ много на тебѣ такихъ, какъ я, многострадальная!“

Учитель греческаго языка Бѣликовъ—человѣкъ въ футлярѣ. „Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ былъ у него въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и когда

вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни... И мысль свою Бѣликовъ также старался запрятать въ футляръ“ (Человѣкъ въ футлярѣ).

Кулыгинъ, учитель древнихъ языковъ, тоже человѣкъ въ футлярѣ. Когда зашелъ разговоръ объ участіи его жены въ концертѣ съ благотворительною цѣлью, то Кулыгинъ сказалъ: „но прилично ли ей участвовать въ концертѣ? Я вѣдь, господа, ничего не знаю. Можетъ быть, это и хорошо будетъ. Долженъ признаться, нашъ директоръ хорошій человѣкъ, даже очень хорошій, умнѣйшій, но у него такіе взгляды.. Конечно не его дѣло, но все таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю съ нимъ.“ Когда Кулыгина назначили инспекторомъ, онъ сбрилъ себѣ усы. „Что жъ! говоритъ онъ. Такъ принято, это *modus vivendi*. Директоръ у насъ съ выбритыми усами, и я тоже, какъ сталъ инспекторомъ, побрился. Никому не правится, а для меня все равно. Я доволенъ. Съ усами я, или безъ усовъ, а я одинаково доволенъ..“ (Три сестры).

Человѣкъ въ футлярѣ и еще одинъ педагогъ, очевидно, съ университетскимъ образованіемъ—учитель исторіи и географіи Ипполитъ Ипполитычъ: „самымъ нужнымъ и самымъ важнымъ считалось у него по географіи черченіе картъ, а по исторіи знаніе хронологіи; по цѣлымъ ночамъ сидѣлъ онъ и синнимъ карандашемъ поправлялъ карты своихъ учебниковъ и ученицъ, или же составлялъ хронологическія таблички... Ипполитъ Ипполитычъ былъ человѣкъ неразговорчивый; онъ или молчалъ, или же говорилъ только о томъ, что всѣмъ давно уже извѣстно... Теперь май, скоро будетъ настоящее лѣто. А лѣто не то, что зима. Зимой вужно печи топить, а лѣтомъ и безъ печей тепло... Спать надо въ постели, раздѣвшись...“ (Учитель словесности).

Профессоръ Серебряковъ въ пьесѣ „Дядя Ваня“, по характеристикѣ Вайницкаго, „старый сухарь, ученая вобла... Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно уже извѣстно, а для глупыхъ неинтересно. —значитъ, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее.“

Если эта характеристика профессора и заключаетъ въ себѣ извѣстную долю раздражанія, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ ней есть и

зерно истины. Точно также есть зерно истины и въ слѣдующихъ характеристикахъ профессоровъ, сдѣланныхъ тоже профессоромъ въ разсказѣ „Скучная исторія.“

Профессоръ NN—, старый идиотъ“. „Идетъ и, по обыкновенію, выставилъ впередъ свой лошадиный подбородокъ и ищетъ, кому бы пожаловаться на свой мигрень, на жену и на студентовъ, которые не хотятъ посѣщать его лекцій“.

Профессоръ ZZ.—, патентованная тупица, европейскій дуракъ, другого такого по всей Европѣ днемъ съ огнемъ не сыщешь! Читаетъ (публичную лекцію), точно леденецъ сосетъ: сю-сю-сю... Струсилъ, плохо разбираетъ свою рукопись, мыслишки движутся еле-еле, со скоростью архимандрита. Ёдущаго на велосипедъ, а главное, никакъ не разберешь, что онъ хочетъ сказать. Скучища страшная, мухи мрутъ“.

Такъ живутъ многіе университетскіе люди. Жизнь сѣрая, грязная, пошлая, бессмысленная. Жизнь странная, непонятная, скучная. Страшно и стыдно такъ жить. Такъ жить нельзя. Университетскіе люди, которые такъ живутъ, ничѣмъ не отличаются отъ массы прочихъ обывателей, которые въ университетѣ не были. Одно изъ двухъ: или изъ университета они не вынесли того, что должны были вынести, или вліянія университетской науки заглушены были болѣе сильными вліяніями обывательской жизни. Для однихъ справедливо первое предположеніе: поступая въ университетъ, они искали не правды и смысла жизни, а дипломовъ; университетъ, какъ сознается одинъ изъ нихъ Лаевскій, былъ для нихъ обманомъ,—они учились плохо и забыли то, чему учились, пребываніе въ университетѣ было только неизбѣжной повинностью. Для другихъ справедливо второе предположеніе: университетскія наука заронила въ нихъ стремленіе къ правдѣ и истинѣ, но презрѣнная обывательская жизнь затащила ихъ, отравила и сдѣлала такими же пошляками, какъ всѣ.

Нищій въ разсказѣ того же названія выдаетъ себя за студента, котораго исключили изъ университета, и такимъ образомъ, по словамъ присяжнаго повѣреннаго Скворцова, эксплуатируетъ симпатіи общества къ студентамъ. Но почему симпатіи общества на сторонѣ студентовъ?

Въ разсказѣ „Дуэль“ фонъ-Корень говоритъ, что масса, особенно ея средній слой, вѣрять въ интеллигентность, въ университетскую образованность. Но чѣмъ объяснить этотъ авторитетъ университетскаго человѣка въ глазахъ общества?

На поставленные вопросы нельзя было бы дать отвѣта, если бы университетскіе люди—студенты и лица, получившія университетское образованіе,—ничѣмъ не отличались отъ массы остальныхъ обывателей, если бы они всѣ безъ исключенія вели такую же, какъ остальные обыватели, сѣрую, грязную, пошлую жизнь. Но есть университетскіе люди иного склада. Они берутъ отъ университета все то хорошее, что онъ можетъ дать, и не подчиняются вліяніямъ обывательской жизни. Это—университетскіе люди въ истинномъ смыслѣ этого слова. Они пользуются симпатіями общества и авторитетомъ въ глазахъ общества, какъ предвѣстники той высокой, пре-

красной, лучшей жизни, которая должна замѣнить современную—безсмысленную, пошлую, грязную жизнь. Высокій идеаль, къ которому должны стремиться эти университетскіе люди, нарисованъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ представителей университетской науки магистра философіи Коврина: „Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлають человечество достойнымъ царствія Божія, то есть избавятъ людей отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій, отдать идеѣ все—молодость, силы, здоровье, быть готовымъ умереть для общаго блага,—какой высокий, какой счастливый удѣлъ!“ (Черный монахъ).

И безпристрастнымъ наблюдателямъ университетской жизни очевидно, что университетскіе люди стремятся къ этому идеалу. Такимъ безпристрастнымъ наблюдателемъ является, напримѣръ, старикъ швейцарь—„хранитель университетскихъ традицій въ разсказѣ „Скучная исторія.“

„Отъ своихъ предшественниковъ—швейцаровъ онъ получилъ въ наслѣдство много легендъ изъ университетской жизни, прибавилъ къ этому богатству много своего добра, добытаго за время службы, и, если хотите, то онъ разкажетъ вамъ много длинныхъ и короткихъ исторій. Онъ можетъ разказать о необыкновенныхъ мудрецахъ, знавшихъ все, о замѣчательныхъ труженикахъ, не спавшихъ по недѣлямъ, о многочисленныхъ мученикахъ и жертвахъ науки; добро торжествуетъ у него надъ зломъ; слабый всегда побѣждаетъ сильнаго, мудрый глупаго, скромный гордаго, молодой стараго... Нѣтъ надобности принимать всѣ эти легенды и небылицы за чистую монету, но процѣдите ихъ и у васъ на фильтрѣ останется то, что нужно: наши хорошія традицій и имена истинныхъ героевъ, признанныхъ всѣми.“

Университетскіе люди,—это прежде всего мудрецы, труженики, мученики и жертвы науки. И въ сочиненіяхъ Чехова встрѣчаются типы университетскихъ людей, которые беззавѣтно, страстно любятъ науку.

Григорій Петровичъ Лихаревъ (На пути) такъ разказываетъ о своихъ студенческихъ годахъ: „Серьезныя такъ сказать мужественныя увлеченія начались у меня съ университета... я отдался наукамъ беззавѣтно, страстно, какъ любимой женщиной. Я былъ ихъ рабомъ и, кромѣ нихъ, не хотѣлъ знать никакого другого солнца. День и ночь, не разгибая спины, я зубрилъ, раззорялся на книги, плакалъ, когда на моихъ глазахъ люди эксплуатировали науку ради личныхъ цѣлей...“

Студентъ Васильевъ то же любитъ науку. Онъ окончилъ естественный факультетъ, перешелъ на юридическій и здѣсь написалъ отличное сочиненіе (Припадокъ).

Беззавѣтно, страстно преданъ наукѣ старый профессоръ, герой разказа „Скучная исторія.“ Онъ говоритъ: „Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь передъ смертію меня интересуетъ одна только наука. Испуская послѣдній вздохъ, я все таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви, и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя...“

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же профессоръ говоритъ: „Хотѣлъ бы проснуться лѣтъ черезъ сто и хотѣть однимъ глазомъ взглянуть, что будетъ съ наукой.“

Беззавѣтно преданъ наукѣ—начинающій молодой ученый врачъ Дымовъ въ разсказѣ „Попрыгунья.“ Онъ „умираетъ, потому что пожертвовалъ собой для науки... служилъ наукѣ и умеръ отъ науки.“

Не одна беззавѣтная преданность наукѣ должна отличать университетскихъ людей. Если наука заключаетъ въ себѣ исканіе правды и смысла жизни, то изученіе науки должно воспитывать въ человѣкѣ любовь къ правдѣ и отвращеніе къ неправдѣ. Эта воспитательная роль университета указывается въ приведенныхъ выше наблюденіяхъ надъ университетскою жизнью старика швейцара: въ университетѣ, по его мнѣнію, добро торжествуетъ надъ зломъ.

Разсказъ скитальца по русской землѣ Александра Ивановича то же свидѣтельствуетъ о воспитательной роли университета. „До 16 лѣтъ, разсказываетъ Александръ Ивановичъ, ходилъ я такъ безъ опредѣленнаго дѣла и безъ почвы, пока не попалъ въ Полтаву. Тутъ одинъ студентъ еврей узналъ, что я желаю учиться, и далъ мнѣ письмо къ харьковскимъ студентамъ. Конечно, я пошелъ въ Харьковъ. Студенты посовѣтовались и начали готовить меня въ техническое училище. И знаете, я вамъ скажу, студенты мнѣ попались такіе, что я не забуду ихъ до самой смерти. Не говорю уже про то, что они дали мнѣ квартиру и кусокъ хлѣба, они поставили меня на настоящую дорогу, заставили меня мыслить, указали цѣль жизни... Ну я много читалъ, участвовалъ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ не услышишь пошлостей.“ (Перекати поле).

На воспитательную роль университета указываютъ и слова Лаптева въ разсказѣ „Три года.“ Лаптевъ говоритъ брату Теодору:

„Купецъ любить не торговать, а начальствовать. и вашъ амбаръ не торговое учрежденіе, а застѣнокъ! Да, для такой торговли какъ ваша, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и вы сами приготавливаете такихъ, заставляете ихъ съ дѣтства кланяться вамъ въ ноги за кусокъ хлѣба, и съ дѣтства вы приучаете ихъ къ мысли, что вы—ихъ благодѣтели. Небось, вотъ университетскаго человѣка ты въ амбаръ къ себѣ не возьмешь.“ (VIII, 309.)

Въ этихъ словахъ Лаптева университетскій человѣкъ является представителемъ протеста противъ неправды—противъ произвола и безправія. Такой отзывъ объ университетскихъ людяхъ подтвердилъ собственнымъ примѣромъ Лаптевъ, сынъ купца, окончившій филологическій факультетъ. Сдѣлавшись главнымъ въ торговомъ заведеніи, такъ называемомъ „амбаръ“, онъ „старался заводить новые порядки, запрещалъ сѣчь мальчиковъ и глумиться надъ покупателями, выходилъ изъ себя, когда приказчики съ веселымъ смѣхомъ отпускали куда нибудь въ провинцію залежалый и негодный товаръ подъ видомъ свѣжаго и самаго моднаго.“

Въ томъ же разсказѣ „Три года“ указанъ случай протеста университетскаго человѣка Ярцева противъ неправды и произвола въ семейной сферѣ. „Когда мнѣ было восемь лѣтъ, говоритъ Лаптевъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня

туть били почти каждый день. Потомъ, когда меня отдали въ гимназію, я до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ же амбарѣ, и такъ до 22 лѣтъ, пока я не познакомился въ университетѣ съ Ярцевымъ, который убѣдилъ меня уйти изъ отцовскаго дома. Этотъ Ярцевъ сдѣлалъ мнѣ много добра.“

Другой случай протеста со стороны университетскаго человѣка противъ семейнаго произвола описанъ въ разсказѣ „Тяжелые люди.“ Студентъ Петръ Ширяевъ рѣшилъ, „во что бы то ни стало поговорить съ отцомъ, втолковать ему разъ и навсегда, что съ нимъ тяжело и страшно жить.“ И студентъ пришелъ къ отцу и сказалъ:

„Мнѣ нужно поговорить съ вами серьезно... Не проходитъ обѣда и чая, чтобы вы не поднимали шума. Вашъ хлѣбъ останавливается у всѣхъ поперекъ горла. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе и унизительнѣе, какъ попреки кускомъ хлѣба... Вы хоть и отецъ, но никто, ни Богъ, ни природа не дали вамъ права такъ тяжело оскорблять, унижать, срывать на слабыхъ свое дурное расположеніе. Вы замучили, обезличили мать, сестра безнадежно забита, а я... Надо мной можете издѣваться, сколько вамъ угодно, но мать оставьте въ покоѣ. Я не позволю вамъ мучить мать... Вы избалованы, потому что никто еще не рѣшался идти противъ васъ. Передъ вами нѣмѣли, трепетали, но теперь кончено! Грубый, невоспитанный человѣкъ...“

Университетскій человѣкъ учитель гимназіи Катавасовъ протестуетъ противъ неправды въ супружескихъ отношеніяхъ. Сдѣлавъ предложеніе любимой дѣвушкѣ, онъ даже не спросилъ про приданое; но, затѣмъ, взявъ свое слово назадъ, когда убѣдился, что по своему развитію невѣста его ему не пара (Въ банѣ).

Университетскій человѣкъ Шамохинъ протестуетъ противъ неправды въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ взглядомъ, который проповѣдуютъ даже нѣкоторыя университетскіе люди (Васильевъ, Лубковъ), что женщина—прежде всего самка. „Мнѣ хочется думать, говорить онъ, что борющийся съ природой человѣчeskій геній боролся и съ физической природой, какъ съ врагомъ, и что если онъ и не побѣдилъ ее, то все же удалось ему опутать ее сѣтью иллюзій братства и любви; и для меня по крайней мѣрѣ это уже не просто отправление моего организма, какъ у собаки, или лягушки, а настоящая любовь и каждое объятіе бываетъ одухотворено порывомъ и уваженіемъ къ женщинѣ“ (Ариадна).

Учитель исторіи и географіи Коваленко (Человѣкъ въ футлярѣ“) протестуетъ противъ неправды въ русской школѣ. „Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить!—говоритъ онъ своимъ сослуживцамъ по гимназіи. Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чиновники, у васъ не храмъ науки, а управа благочинія, и кислотной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ.“

Протестъ противъ соціальной неправды слышится въ мысляхъ судебного слѣдователя Лыжина. Въ его сознаніи широко и ясно развернулась давно затаенная мысль о томъ, что глубокой неправдой является фактъ одновременнаго существованія людей, на долю которыхъ приходится все самое

тяжелое и горькое, и людей, которымъ остается только легкое и радостное (По дѣламъ службы).

Протестъ противъ соціальной неправды слышится также въ мысляхъ доктора Королева въ разсказѣ „Случай изъ практики.“ Отношенія между сильными и слабыми представляются ему грубой ошибкой, логической несообразностью.

Съ особенной силой изображенъ Чеховымъ протестъ противъ соціальной неправды въ разсказѣ „Припадокъ.“ Герой этого разсказа—студентъ-юристъ Васильевъ, побывавъ первый разъ въ жизни въ публичномъ домѣ, пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ тамъ увидѣлъ и услышалъ. „Онъ многого не понялъ въ домахъ, души погибающихъ женщинъ остались для него попрежнему тайной, но для него ясно было, что дѣло гораздо хуже, чѣмъ можно было думать. „Порокъ есть,—думалъ онъ, но нѣтъ ни сознанія вины, ни надежды на спасеніе. Ихъ продаютъ, покупаютъ, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, тупы, равнодушны и не понимаютъ, Боже мой, Боже мой!“ Онъ обратился къ своимъ спутникамъ—студенту-медику и художнику со словами: „Послушайте вы! Зачѣмъ вы сюда ходите? Неужели, неужели вы не понимаете, какъ это ужасно? Ваша медицина говоритъ, что каждая изъ этихъ женщинъ умираетъ преждевременно отъ чахотки, или чего нибудь другого; искусства говорятъ, что морально она умираетъ еще раньше. Каждая изъ нихъ умираетъ оттого, что на своемъ вѣку принимаетъ среднимъ числомъ, допустимъ, пятьсотъ человѣкъ. Каждую убиваетъ пятьсотъ человѣкъ. Въ числѣ этихъ пятисотъ—вы! Теперь, если вы оба за всю жизнь побываете здѣсь и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ по двѣсти пятьдесятъ разъ, то значить на обоихъ васъ придется одна убитая женщина! Развѣ это не понятно? Развѣ не ужасно? Убить вдвоемъ, втроемъ, впятеромъ одну глупую, голодную женщину! Ахъ, да развѣ это не ужасно, Боже мой?“ И студентъ Васильевъ сталъ рѣшать вопросъ о томъ, какъ спасти погибающихъ женщинъ? и что дѣлать, чтобы падшія женщины не были нужны?

Наконецъ, въ последнемъ произведеніи Чехова,—пьесѣ „Вишневый садъ“, выведенъ типъ университетскаго человѣка, протестующаго противъ той неправды, которая внесла „грязь, пошлость и азіатчину“ въ жизнь русскихъ людей. Это студентъ Трофимовъ. Одинъ изъ критиковъ Чехова г. Волжскій въ статьѣ „Вишневый садъ въ Художественномъ театрѣ“ (Журналъ для всѣхъ, 1904, № 5) говоритъ, что артистъ художественнаго театра г. Качаловъ, игравшій Трофимова, далъ замѣчательно вѣрный типъ настоящаго русскаго студента; въ игрѣ г. Качалова было „все живое, заправское, ни одной фальшивой, дѣланной черты, все настоящее, точно вотъ онъ живьемъ выхваченъ съ Малой Бронной, изъ даровой Комитетской столовой; тамъ такіе есть, какъ двѣ капли воды похожіе“. И я думаю, что такое пониманіе роли Трофимова свидѣтельствуетъ о глубокомъ художественномъ и общественномъ чутьѣ артиста Качалова.

Бываютъ студенты, которые учатъ молоденькихъ дамочекъ пить лимонную воду съ коньякомъ, умѣютъ разсказывать удивительно смѣшныя исторіи, заводятъ любовныя интриги и т. п. Но типичный русскій студентъ—Трофи-

мовъ. Это—представитель того студенчества, которое пользуется симпатіями русскаго общества. Символь вѣры этого студенчества выраженъ въ словахъ Трофимова: „Обойти то мелкое и призрачное, что мѣшаетъ быть свободнымъ и счастливымъ, вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой звѣздѣ, которая горитъ тамъ вдали! Впередъ! Не отставай, друзья!... Я свободный человѣкъ. И все, что такъ высоко и дорого цѣните вы всѣ, богатые и нищіе, не имѣть надо мной ни малѣйшей власти, вотъ, какъ пухъ, который носится по воздуху. Я могу обходиться безъ васъ, я могу проходить мимо васъ, я силенъ, я гордъ. Человѣчество идетъ къ высшей правдѣ, къ высшему счастью, какое только возможно на землѣ, и я въ первыхъ рядахъ“.

„Вишневый садъ“—последнее предсмертное произведеніе А. П. Чехова, его лебединая пѣсня. Въ приведенныхъ словахъ студента Трофимова можно видѣть завѣтъ почившаго писателя. Заканчивая мою первую лекцію, пожелаю, чтобы этотъ завѣтъ не оставлялъ васъ и на студенческой скамьѣ и по окончаніи университетскаго курса. Пожелаю, чтобы пошлость и грязь жизни, все мелкое, что мѣшаетъ людямъ быть свободными и счастливыми, не коснулось васъ и чтобы вы были въ первыхъ рядахъ среди людей, ищущихъ высшей правды и высшаго счастья.

Г. Малиновскій.